КРАСНОЙ СТРОКОЙ

Фактам и смыслу вопреки

ПИШУТ ЛИ историю «под себя»? Пишут. В связи с этим вспоминается фильм «Чапаев». Василий Иванович говорит своим командирам: «Все, что вы тут наговорили, наплевать и забыть! Слушайте, что я буду командовать!»

Затем идет установка на бой. Одно дело – боевая диспозиция, отдаваемая командиром-единоначальником, и другое – конъюнктурная нивелировка истории по своему понятию и желанию. Возьмем страницы истории нашего недавнего прошлого.

О городе. В центре Магнитогорска огоньком лампадки еще теплятся остатки некогда одной из станиц Оренбургского казачьего войска – Магнитной. Когда она появилась близ горы Атач – точно неизвестно. Не оставил даты и П. Рычков – помощник начальника края И. Неплюева, историк и летописец. По моим подсчетам, это случилось 1–2 (14–15) июня 1743 года. Почему бы указанную дату не взять за основание нашего города?

Отбросив эту дату, «отцы» города 60-х годов XX века приняли за главное «веховое» событие приход 30 июня 1929 года первого торжественно украшенного пассажирского поезда. Почему поезда, а не первого жилого дома, барака?

Есть и третья дата – 10 июня 1931 года, когда ВЦИК СССР объявил рабочий поселок Магнитогорск городом. И эта дата не в счет. Ее отбросили напрочь.

Гора и руда. Добыча руды на горе Магнитной уходит к доисторическим пластам времени. Однако есть и более близкие к нам годы – начало работы Белорецкого металлургического завода в 1762 году. А до того был отвод участков в 1747 и контрольные проверки в 1752 годах. Пока строился завод, хозяева заготавливали руду, складируя ее на самой горе, и перевозили к заводу.

Интересное воспоминание оставила нам жена первого руководителя рудника Бориса Боголюбова в очерке «Мечта его жизни» (книга М. Горшкова «Притяжение горы»). Они с мужем не раз бывали на горе еще до 1929 года. Вот что она писала: «Со стороны теперешних Березок на склоне горы шесть бревенчатых домиков. Один большой с террасой, комнаты на четыре. Раньше здесь подрядчики белорецких заводчиков жили. Распоряжались заготовкой руды, перевозкой ее на завод. Теперь хозяйничают в этих домиках геологи, маркшейдеры, сезонные рабочие. Случается, ученые сюда наезжают... домой добирались грязные, усталые. Выручала уютная и ласковая банька».

Не упомянула супруга Богомолова о двух-трех бараках на горе для рабочих. Почему бы из этого прошлого не принять 1752 год за начало работы рудника?

Вторая дата связана уже с началом строительства комбината. Пока инженеры-проектанты составляли чертежи, а строители примерялись к площади, отведенной под завод, раскраивали ее для различных объектов и служб, к горе прилаживались рабочие с кайлом, лопатой и тачкой, а Б. Боголюбов прикидывал, с какого бока начать копать, как и куда подвести железную дорогу.

29 июня 1929 года один из руководителей Магнитостроя Л. Хращевский сообщил троицкой газете «Вперед», что с 1 августа рудник приступит к работе, где будет занято 700 человек. 31 августа та же газета в статье «Магнитогорск продолжает снабжать Уральские заводы рудой» сообщает: «Отправлено еще 15 вагонов руды. После первых 20 вагонов, отправленных уральским заводам, продолжается добыча и погрузка руды Магнитной горы. 23 августа отправлен второй транспорт в 15 вагонов... До 1 октября Магнитогорск должен дать Уралу 500 вагонов руды, а в будущем году должно быть отправлено 12 миллионов пудов». Работы вели примитивным способом.

Если рудник приступил к добыче и отправке руды с 1 августа, то почему взята третья, более поздняя дата – 15 мая 1931 года? После мощного взрыва на горе собрался митинг и под гром аплодисментов объявлено: «С сего дня рудник приступил к работе». Так и считаем, вопреки фактам, что первая руда добыта на горе в 1931 году. Справедливо ли это?

О газетах «За металл» и «Магнитогорский металл». Казалось бы, все просто: была многотиражка, которая хотя и считалась печатным органом доменного цеха, долгое время играла роль общезаводской газеты. В августе 1932 года она выступает как рупор комбината в общесоюзном соревновании 100 домен. В сентябре на нее объявляют всеобщую подписку. «Магнитогорский рабочий» 15 февраля 1933 года писал: «За металл» – можно сказать, ведущий орган заводского парткомитета, райкома металлургов и управления действующего завода... Выходит ежедневно».

Один из первых и долгих ее редакторов Р. Шнейвайс другого статуса своей газеты, как «ведущая», не знал. Когда пленум Магнитогорского окружного комитета партии 5 апреля 1935 года объявил решение об издании газеты «Магнитогорский металл», то оговорился «вместо многотиражек «За металл» и «За стан 300». Вторая была временной, а первая стала выходить, надо полагать, в 1930 году, с началом строительства первой домны. Однако датой рождения «Магнитогорского металла» считается 5 мая 1935 года, с момента утверждения обкомом партии решения магнитогорцев. Почему? Есть и другие нелепости в датах Магнитогорска. Почему, например, городской драматический театр имени А. Пушкина ведет отсчет от 1935, а не с 1931 года, когда появился первый городской драмтеатр?

Разве такие сбои не обедняют нашу историю?

ВЛАДИМИР БАКАНОВ,
писатель-краевед.

ОТЕЦ МАТВЕЙ, ОТЕЦ ИВАН…

Они не видели и не знали друг друга, но одинаково положили и жизни, и здоровье на алтарь Победы

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ О ТОМ, как на моей жизни отразились судьбы моих отцов.

КОЛЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

Отец родной – Кизяев Матвей Матвеевич – приехал на строительство нашего комбината в составе большой семьи. Дед Матвей Алексеевич, бабка Мария Сергеевна, пятеро сыновей: Матвей, Федор, Николай, Андрей, Иван и дочка Матрена. В семье Кизяевых была традиция – старшего сына называть Матвеем… С предвоенной фотографии, которая хранится у нас дома, смотрит целая дружина рослых симпатичных мужчин и красивая девушка.

Смекалистый и сноровистый дед построил большую землянку в Малом Шанхае – так называли поселок 8 Марта за первой аглофабрикой. Обзавелись огородом. И потекла жизнь чередом: старшие трудились, младшие учились. Парни начали жениться, строили семьи. Отец выбрал себе невесту из такой же многочисленной семьи Рыбинских – Евдокию. Сыграли свадьбу. Появился на свет я в 1940 году, а нескончаемым салютом в честь моего рождения по ночам были сполохи огня на выдаче агломерата, отражавшиеся в окнах нашей землянки. Иногда по воскресным дням родители, соседи по Шанхаю, прихватив патефон, семьями отправлялись отдыхать на гору Березовую, любовались видом с высоты птичьего полета. Безмятежно и радостно на душе от того, что есть работа, налаживается быт. Что еще человеку надо?

И в один из таких солнечных дней, по воспоминаниям матери, вдруг как-то разом веселье на косогоре стихло. Кто-то принес страшную весть – война. Все померкло в душе от сознания того, что накатывается страшное и неизведанное. Мне в ту пору уже был почти год, отец подхватил меня на руки и побежал в Шанхай. А утром – в военкомат. Посоветовали записаться добровольцем. Сборы были недолги. И уже во вторник в толпе добровольцев мой отец пошел на войну, неся меня на руках аж до самого вокзала. Провожающих было мало: с работы уже никого не отпускали. Война для отца началась в блокадном Ленинграде: все 900 дней он воочию видел весь ее ужас. В письмах матери, невесть коим образом доходивших из блокады, он, как заклинание, наказывал беречь сына, то бишь меня. В этих письмах иногда отец присылал песни и стихи. Песни мать разучивала со мной, и, несмотря на малолетство, я пел на радость деду с бабкой. Они знакомы всем с войны. Но одна, особенно печальная и горькая, была переложена на известный мотив «Раскинулось море широко». В ней были такие слова:

Я видел его близ Одессы родной,
Когда в бой пошла наша рота.
Он шел впереди с автоматом в руках –
Матрос Черноморского флота.

Отец Матвей

Отец Иван

Дальше рассказ о том, что матроса ранило, ему сделали операцию – и такое продолжение:

Очнувшись от бреда, матрос зашептал:
«Быть может, заедешь в Магнитку...
Жене передай мой прощальный привет,
А сыну отдай бескозырку».

Бескозырки не было. Была пилотка политрука Кизяева Матвея Матвеевича, погибшего при прорыве блокады на северо-западе Ладожского озера в городе Питкяранта и похороненного в братской могиле. Пилотку доставил после войны сослуживец отца, тоже магнитогорец, Малагулов. К сожалению, имени его я не помню.

Это еще больше подвигло меня к песнопению. Без слуха, перевирая слова, я пел свои песни. Однажды была и такая реакция: одна из соседок, обиженных на советскую власть, мне сказала, что когда, мол, немцы к нам придут, то тебя, Юрка, повесят на тополе, что в огороде. А я, по малости лет не ведая сути дела, передал ее слова дяде Ивану. Он был танкистом, в то время находился в командировке в Челябинске – приехал с фронта за боевыми машинами и заскочил в Магнитку повидать племянника и родителей. Дядя пригрозил соседям заявить «куда следует». Те перепугались не на шутку и больше не подтрунивали так. Да еще дрова нам с мамой услужливо привезли, чтобы мы могли топить свою холодную землянку. Видно, велик был страх перед НКВД.

Дед после смерти моего отца тяжело заболел и обратился к моей матери с просьбой: «Сшей, невестка, сыну красную рубаху «на страх врагу и на зависть шанхайским пацанам». Недолго он любовался моей обновкой, вскорости умер. Но песни свои я продолжал петь уже другому своему деду – Федору Рыбинскому, матросу легендарного «Корейца», что не сдался японцам вместе с крейсером «Варяг».

До Победы я был в круглосуточном детсаду: мать двенадцать часов на работе. А в сорок пятом моя жизнь изменилась. В землянке появился новый человек, которого велено было называть отцом. Величали его Иваном. А что? Легко. Своего отца я не помнил, а с новоявленным было весело и интересно. С ним я ходил на базар и в баню. Вскоре появился маленький братик Коля. Отец много рассказывал о войне. А уж Иван Добрелин войну познал сверх всякой меры. Судите сами: освобождал Бессарабию, немного передохнув, хлебнул финской, которая оставила отметины в виде подмороженных пальцев рук и ног, нывших на непогоду до конца жизни. А уж на «германской», по собственному его выражению, он прошел огонь и воду. Попал под Смоленск. Хватил там лиха немеряно: такие названия населенных пунктов, как Ржев, Вязьма, Сычевка, Торопец, Смоленск, я на карте знал задолго до уроков географии в школе.

Мне повезло с отцом-отчимом. У других и этого не было, многие завидовали. От второго отца я знал, что такое отступление и наступление, как надо кидать гранаты из окопа и что под Смоленском воевали с переменным успехом: то они нам ввалят, то мы им. Но самое страшное из того, что узнал: у наших солдат порой не было оружия и приходилось его отбивать у врага голыми руками.

Как часто это бывало на прошедшей войне, солдат Иван Добрелин был контужен и пленен. В лагере часто били, морили голодом. Немцы, боясь заразы, заставляли пленных собирать трупы советских солдат, складывать их в поленницы, обливать горючим и сжигать. Однажды отец заметил, что немецкий офицер по утрам с большим усилием надевает сапоги. Сразу понял, что сапоги неудачно подобраны – у немца был большой подъем на ноге. Обратил на это внимание понимающего по-русски другого немца по имени Вилли: мол, могу облегчить страдания офицера. После небольшой подготовки отец ночью ладно поправил офицерские сапоги. Нескаженно обрадованный офицер с криком «О, Иван, гут!» отправил отца ухаживать за лошадьми на конюшню, что дало шанс выжить в том пекле.

Интересное было после. К концу зимы у немцев не заладилось под Москвой, так этот самый Вилли поведал пленному, что скоро Гитлеру капут и что Ивану надо драпать. И он побегу поможет. Так и вышло. В указанном стожке отец нашел лыжи и булку хлеба. Бежал, был пойман и жестоко избит. А летом все равно удрал. Вилли сам когда-то был в плену. Может, это обстоятельство и привело к состраданию пленному. Отец до конца дней с благодарностью вспоминал немца Вилли и свое возвращение в строй.

И снова фронт. И снова передовая. Ранения, госпиталь, контузия, но война уже покатилась на Запад. Иван уже пулеметчик. На мой всегдашний по юности вопрос, наверное, глупый с его точки зрения: «Папа, сколько ты убил немцев на войне?», следовал трехэтажный мат и ответ: «Не считал, понял ты!» Зато красочно рассказывал, как взял языка, за что был награжден орденом Красной Звезды. У него еще был орден Отечественной войны. А язык – большой рыжий немец – после войны часто приходил к отцу в сновидениях….

Весной, когда война уже полыхала под Кенигсбергом и где, по воспоминаниям отца, была настоящая мясорубка, он дошел до своего последнего рубежа в этой борьбе. При форсировании реки Шяшупе получил два тяжелых ранения в ногу и лицо. Провалялся в московском госпитале четыре месяца, где чуть-чуть подлатали, как он выражался, дали инвалидность и выпустили на вольные хлеба. И вот худой, на костылях, в поношенной шинели, с котомкой за плечами, он заявился в Магнитку.

Отец в плену немного научился говорить по-немецки. Но особенно у него получался мат. И я, естественно, подражал ему. Если встречал колонну пленных немцев, то сквернословил в их адрес. Их смех был мне ответом, и какое-то веселье пролетало над их унылым и серым строем. Наблюдая за отцом, я не видел у него к ним злобы и ненависти, чему я очень удивлялся. Ведь, по сути, он был изувечен ими, страдал после войны от ран, особенно донимала его перебитая нога. После войны он был в артели сапожником, потом освоил профессию электросварщика, работал на крановом заводе, в тресте «Магнитострой». Вышел на пенсию, но продолжал трудиться. Дожил до 90 лет! У него двое внуков и внучка. Есть и правнуки.

Доброй вам памяти, русские солдаты, отец Матвей и отец Иван.

К сему внук Матвея,
сын Матвея,
отец Матвея –
ЮРИЙ КИЗЯЕВ,
работник ЦЛК.

Не всякое прошлое любит, чтобы о нем вспоминали.

БОРИС КИСЛИК

БУДЕТ ЛИ ТРЕТЬЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ?

КОЛЕСО ИСТОРИИ

ШЕСТЬДЕСЯТ ДВА ГОДА прошло после Великой Отечественной войны.

Однако до сих пор нет однозначных оценок причины той войны и вклада в победу антигитлеровской коалиции. В так называемых «свободных» средствах массовой информации Запада лавры победы над фашистами приписывают боевым действиям союзников в Северной Африке, Италии и летом 1944 года при форсировании Ла-Манша в северной Франции. Нашим войскам до последних дней войны оказывали ожесточенное сопротивление. Я служил в авиационном полку и знаю, как тяжело было летчикам штурмовых самолетов ИЛ-2 совершать по четыре вылета в день на штурм оборонительных сооружений на Одере и Зееловских укреплениях.

В начале апреля 1945 года самолет нашего командира эскадрилий Анатолия Лаврушина был подбит. Лаврушин сумел довести его до своих, но по полям наступали наша пехота и танки. Чтобы избежать столкновения с людьми, он пролетел на подбитом штурмовике подальше и сделал вынужденную посадку в чистом поле. Срезанная плоскостью самолета береза упала на кабину и оборвала жизнь замечательного командира, который прошел всю войну и до победы не дожил три недели. Боевой штурмовик ИЛ-2, вооруженный двумя пушками, тремя пулеметами, четырьмя реактивными снарядами, загружался шестьюстами бомбами и был грозой для немцев. Немцы называли его черной смертью. С земли его обстреливали всеми видами оружия, так как он штурмовал с малых высот; двигатель, кабины летчика и стрелка и бензобак были одеты в броню. Возможно, в нашу магнитогорскую, и это спасало и самолет, и его экипаж.

В то время, когда шли бои на Одере, на Западном фронте многие города и населенные пункты часто сдавались нашим союзникам по телефону: немцы боялись, что их захватят русские. Отступая от Франкфурта-на-Одере к Берлину, немцы бросали технику, повозки и тачки со скрабом. В городах и селах на балконах и из открытых окон мелькали белые полотенца в знак капитуляции. В одном доме мы обнаружили немецкую семью – женщину с детьми. Комната была обставлена стульями советского производства: на спинках высверлены пятиконечные звезды. Мы понимали, что они награблены и вывезены из наших городов. Однако никто не упрекал в этом немецкую женщину. Да и приказ нашего командования был жесткий – за мародерство могли сдать под военный трибунал.

В начале апреля 1945 года я лежал в полковом госпитале в деревне Томендорф. В один из теплых дней мы, больные и раненые, обнаружили, что на окраине этой деревни немецкие женщины и пожилые мужчины под руководством наших саперов рыли траншеи и окопы. Немцы недоумевали: война заканчивается, а их почему-то за 40 километров от фронта заставляют рыть окопы. Мы не могли им ответить – мы сами удивлялись. Наши командиры объяснили: это делается от возможного прорыва немецких войск, хотя мы этому не верили.

Примерно во втором часу ночи 9 мая мы проснулись от стрельбы зенитной артиллерии, пулеметных и автоматных очередей. Первые мысли были – организовать оборону дома, и мы схватили оружие. Но в трескотне на улице кто-то закричал: «Победа!» Ошеломленные, мы организовали свой салют очередями трассирующих пуль.

Кончилась война, но до 13 мая наши самолеты стояли с подвешенными бомбами, готовыми в любую минуту лететь на боевое задание. Командир полка, выступая на одном собрании, рассказал нам, что траншеи у немецкого села рыли не зря. Еще грохотала война и немцы дивизиями сдавались в плен, президент Трумэн и премьер Англии Черчилль отдали приказ собирать и хранить немецкое оружие, которое они могли использовать против Советской Армии в Германии. Весь мир торжествовал победу над фашизмом, и народы мира были благодарны народам Советского Союза, понесшим самые большие потери в войне. Заставить кого-то воевать против советского народа было самоубийством.

В августе 1945 года наш авиаполк перебазировали из Германии в Австрию. На одном из самолетов в кабине стрелка должен быть я, но меня в части не было, и полетел мой близкий друг Женя Легенченко. Перед посадкой на новом аэродроме в двигателе произошла неисправность, самолет упал в поле, Женя Легенченко и его командир погибли. Я Женю никогда не забуду…

Во время войны и после нее между нами, советскими гражданами, не было различия: русский или украинец, грузин или узбек, казах или армянин. Государство исповедовало дружбу народов, жили мы все небогато, не было зависти и упреков.

Теперь другая идеология. Печально сознавать, что с каждым годом нас, участников войны, все меньше. У нас уже взрослые дети и внуки, но душа болит: чем обернется для них завтра? Бурлит Украина, высказывает свои претензии Беларусь, продалась за доллары верхушка Грузии. Некоторые лидеры этих стран вроде бы забыли уроки истории. А их стоило бы помнить. Во время колониальных захватов западных стран для покорения народов применяли испытанную тактику – «разделяй и властвуй». Сейчас о нас говорят: «Россию не победить, а разделить без войны можно». Чтобы заставить ее быть послушной.

В 1991 году произошло непоправимое: не стало могучего большого государства.

О «незалежности» заговорили не только на Украине, но и в Татарстане, Башкирии, Свердловской области, Чечне... Распространяли лозунги: «Хватит кормить Россию». Видать, плохо усвоили уроки не только своей истории, когда князья киевские, московские, новгородские вели междоусобные войны и не могли выступить единым фронтом против турецких, польских, монгольских и шведских завоевателей. А ведь в истории Украины нам известен не только предательский поступок гетмана Мазепы, сбежавшего в Турцию после Полтавской битвы, но и решение Богдана Хмельницкого, более трехсот лет тому назад объединившего братские народы России и Украины, чтобы не оказаться в лапах польской шляхты и турецких захватчиков. История, судя по всему, может повториться. Но не под напором москалей, а под напором большинства благоразумного украинского народа.

После войны нам, ее участникам, даже в страшном сне не могло присниться, что наступит время, когда в севастопольской бухте будут базироваться корабли с полосатыми флагами США, а противоракетные установки будут ставить под Полтавой или Харьковом. Не верится…

Скоро День Победы. Хотелось, чтобы наши и украинские дети и внуки не обременяли себя такими думами и спокойно работали, строили дома, варили сталь, растили хлеб, справляли свадьбы, а воины надежно охраняли их мирный труд.

НИКОЛАЙ НЕВЕДРОВ,
полковник в отставке,
участник войны.

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ

Георгиевские ленты – ветеранам

В КАНУН ДНЯ ПОБЕДЫ в школе № 59 имени И. Ромазана прошла традиционная встреча учащихся с участниками войны и тружениками тыла сталеплавильного передела.

На входе всем гостям прикрепили георгиевские ленты. Много теплых слов сказано в адрес ветеранов, ковавших Победу на фронте и в тылу, а председатель совета ветеранов кислородно-конвертерного цеха Татьяна Сиденко – организатор встречи – пожелала всем бодрости, отметила, что администрация цеха и совет ветеранов и впредь будут заботиться о людях, вынесших все тяготы суровых годин и ставших гордостью комбината.

Учащиеся школы дали концерт, где звучали попурри на темы военных песен в исполнении группы гитаристов, ансамбля музыкальных инструментов и хоровой группы. Затем гостей школы пригласили к праздничному столу.

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ.

Сто четыре спасенных

ДЕНЬ ПОБЕДЫ приближали все народы и нации, сражаясь плечом к плечу: русские и казахи, украинцы и башкиры, грузины и татары.

Враг был сильным, жертвы и потери – неисчислимы, а горе – еще больше. В эту борьбу каждый внес свою лепту: в тылу – трудовую, героическую и ратную – на фронтах. Достойны уважения и почитания те, кто сложил голову на полях войны и не увидел Дня Победы, за которую сражался. Хочу рассказать о таком герое, который совершил подвиг и не вернулся.

Хамит Неатбаков родился в 1904 году в селе Карбаны Ярковского района Тюменской области в крестьянской семье. Окончив начальную школу, работал в родном селе, в 1933 году приехал на Магнитострой. В 1942 году его призвали в ряды Красной Армии. В составе Воронежского фронта старший лейтенант, санинструктор 520-го стрелкового полка 167-й дивизии Неатбаков участвовал в боях с захватчиками. «3 и 4 октября, – говорится в наградном листе, – под огнем пулеметов, артиллерии и минометов переправил на левый берег Днепра 86 раненых бойцов и командиров». С 1 августа по 14 октября 1943 года под огнем противника вынес с поля боя 104 раненых бойца с оружием.

За мужество на поле боя 13 ноября 1943 года Хамит Неатбаков удостоен звания Героя Советского Союза.

Мы гордимся своим земляком и будем помнить о нем. В победе над фашистами есть и его жизнь.

ГАБДУЛХАК АХМЕТОВ,
член татарского культурного центра.